

УДК 821.161.1

О.А. СЕТЬКО,
*ученый-исследователь,
преподаватель русского языка и литературы
УО «Могилевский государственный областной лицей № 1» (Беларусь)*

ОБРАЗ МАРИНЫ МНИШЕК В. ХЛЕБНИКОВА В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИСКАНИЙ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX–XX вв.

В статье исследуется исторический образ Марины Мнишек в одноименной поэме В. Хлебникова. Поэма, созданная в 1912–13 гг., отразила интерес творческой элиты Серебряного века к образу роковых красавиц. Поэма является диалогом-дискуссией Хлебникова с предшественниками – А.С. Пушкиным и А.Н. Островским.

Ключевые слова: панславянизм, польская тема, славянская эстетика, общеславянская идея, диалог, полемичный сюжет.

Исторический образ Марины Мнишек оживает в одноименной поэме В. Хлебникова, созданной в 1912–1913 гг. Польская тема, декорированная мотивом бунта, возникает на фоне увлечения Хлебникова панславянизмом.

С осени 1908 г. В. Хлебников входит в круг петербургских символистов, посещает «башню» Вяч. Иванова¹, заседания «Академии стиха». Под впечатлением панславянских идей поэт пишет «Воззвание учащихся славян» (1908), где упоминает о немецких городах со славянскими именами – Данциге и Любеке; в декабре 1909 г. в письме Хлебникова читаем: «Меня зовут здесь Любек и Велимир» [1].

В. Хлебников считает своими учителями М. Кузмина и А. Ремизова, за честь которого готов вступить, жертвуя собственной жизнью. Объединило Хлебникова и Ремизова общее увлечение древнерусской культурой и интерес к возможному обновлению поэтической речи за счет обращения к фольклорным источникам. Однако уже в 1910 г. Ремизов иронично изобразит Хлебникова, отдалившегося к тому времени от друзей-символистов, в повести «Крестовые сестры»: в абсурдных идеях героя (Плотников) прочитывается идейно-эстетическая программа будущего будетлянина – стремление стать Председателем земного шара.

Тема дохристианской Руси, унаследованная от Ремизова, угадывается в творчестве Хлебникова и после сближения с футуристами («Девий бог», «Внучка Малуши», «Дети выдры» и др. произведения 1909–1913 гг.).

Интерес к историческому образу Марины Мнишек возник у Хлебникова неслучайно. Боснийский кризис 1908 г., в центре которого оказались южные славяне, мог стать одной из причин, побудившей поэта заняться изучением славянской истории.

Образ Марины Мнишек оказался востребованным в эпоху Серебряного века, поскольку соответствовал представлениям творческой элиты о роковой женщине. Если героини И. Бунина, М. Цветаевой и др. красотой, гордостью и непокорством опосредован-

---

¹ Статья Вяч. Иванова «Мечты о народе-художнике» (1907) увлекла Хлебникова идеей о всеславянском языке. Заочное (письменное) знакомство с Ивановым состоялось в марте 1908 г., личное – летом этого же года.

но указывают на царственный прототип, то для многих авторов М. Мнишек – полноправный персонаж.

Одним из ранних текстов, где появляется образ красавицы-польки, является легенда-апокриф² «Житие преподобного отца нашего Моисея Угрина»³, пересказанное в начале XX в. в качестве иллюстрации одной из авторских идей⁴ в книге Розанова «Люди лунного света»⁵.

Общеизвестно, что о собственных рукописях В. Хлебников не заботился: терял их в многочисленных поездках, неоднократно редактировал – все это затрудняет исследование истории создания, определение исходного варианта, датировки, атрибутирование произведений Хлебникова сегодня⁶. Часть произведений составлена и опубликована друзьями поэта из разрозненных листов рукописей и черновиков⁷. Текст поэмы «Марина Мнишек» также дошел до нас не в авторской пагинации, что позволяет провести аналогию с апокрифами.

Сюжет поэмы «Марина Мнишек» могла подсказать В. Хлебникову брошюра А.Н. Штылько и К.Н. Малиновского «300-летие освобождения Астрахани от мятежной шайки Заруцкого и Марины Мнишек». Брошюра, изданная в Астрахани в 1914 г., хранилась в семейной библиотеке, и ее, предположительно, мог читать юный Хлебников⁸.

Несколько раз образ прекрасной польки мелькнет и в других произведениях Хлебникова. Например, в стихотворении «Конь Пржевальского», где Хлебников наравне с «ославяненной» Марией Вечорой упоминает и Марину Мнишек – прекрасную польку, увлекшую лирического героя «в леса, ущелья, пропасти»:

Гонимый кем – почему я знаю?

Вопросом поцелуев в жизни сколько?

Румынкой, дочерью Дуная,

Иль песнью лет про прелесть польки [4, с. 63].

Румынка Мария Вэцера принимает по воле автора более славянское имя – Вечора, а противоречащая восточному представлению о поведении женщины непокорность румынской баронессы, представленная как национальная черта характера, позволяет Хлебнико-

² По утверждению Д. Мережковского, сделанному в книге «Тайна Запада. Атлантида-Европа» (1929–1930), «Житие препод. Моисея Угрина повторяет Аттисов миф» [2].

³ В сюжете этого апокрифического жития Моисей ради служения Христу отказывается от соединения с влюбленной в него богатейшей «ляхиной» («женщиной [из ляшской земли], благородной, красивой и молодой, имевшей большое богатство и великую власть»), хотя этот отказ ведет его к физическому увечью (насильственному оскоплению). Несмотря на лишения и страдания, Моисей остается крепок в своей любви к братьям во Христе. Напомним, что Михаил – русифицированная версия библейского имени Моисей.

⁴ В. Розанов полностью перепечатывает Житие из Киево-Печерского патерика, снабжает его комментариями, отражающими его собственное, розановское, **отношение к проблеме пола**, выраженное в т. н. мистическом пансексуализме и отрицании идеи христианской аскезы.

⁵ «Житие» было переписано специально для Розанова А. Ремизовым, а затем стилизовано и подарено в рукописи поэту Михаилу Кузмину, восхищавшемуся повестью. На страницах книг Ремизова и Розанова происходило общение двух писателей, выстраивающееся вокруг истории о М. Угрине. См.: [3].

⁶ Кроме того, к причинам, затрудняющим работу с наследием поэта, следует отнести частичную утрату архива Н.И. Харджиева, содержащего уникальные рукописи Хлебникова и других представителей русского авангарда, а также закрытый статус уцелевшей части архива (по завещанию владельца) до 2019 г.

⁷ В текстологии В. Хлебникова до сих пор много вопросов. Одна из наиболее ранних работ по данной проблеме – Хлебников В. Неизданные произведения / под ред. Н. Харджиева и Т. Грица. – М.: ГИХЛ, 1940. – 492 с. Современные текстологические исследования наследия В. Хлебникова: Дуганов, Р.В. Велимир Хлебников и русская литература: Статьи разных лет. – М.: Прогресс-Плеяда, 2008. – 384 с.; Арензон Е.Р. О значимости датировок для понимания литературной биографии В. Хлебникова / Е.Р. Арензон // Творчество В. Хлебникова и русская литература. Материалы IX Международных Хлебниковских чтений 8–9 сентября 2005 г. – Астрахань, Издательский дом «Астраханский университет». – С. 187–193; Старкина, С. Хлебниковская текстология, или О циклизации поэтических произведений Хлебникова / С. Старкина // Russian Literature. – 2004. – Vol. LV. – № I / II / III. – P. 431–452 и др.

⁸ Этого вопроса касается А. Парнис [5].

ву использовать образ в качестве иллюстрации к призыву в «Воззвании учащихся славян»: «Долой Габсбургов!..» [6].

Однако, кроме связи с современным культурным контекстом, важен и тот факт, что в поэме «Марина Мнишек» В. Хлебников вступает в диалог-дискуссию с литературными предшественниками – А.С. Пушкиным и А.Н. Островским.

Наследуя пушкинский сюжет, Хлебников развивает действие, вставив сцену объяснения Марины и Дмитрия у фонтана. Поэт-будетлянин выступает не только как продолжатель Пушкина, но и как создатель альтернативного (мифологизированного) прочтения событий.

А.С. Пушкин в драме «Борис Годунов» изображает свою героиню в русле апокрифической традиции: это «странная красавица», одолеваемая «одной страстью: честолюбием», она «смело переносит войну, нищету, позор... в тоже время ведет переговоры с польским королем, как коронованная особа, с равным себе и жалко кончает свое буйное и необычайное существование» [7, с. 294]. Не ставя целью проследить судьбу героини, Пушкин «теряет» ее следы, ограничивая роль Марины только воздействием на Дмитрия Самозванца, не оставляя ей места в развитии сюжета. Марина в представлении Пушкина – «катализатор» амбиций Г. Отрепьева и пешка в религиозных планах польской католической элиты, хотя и сама она амбициозна – мечтает о короне. Пушкин вносит в драму любовную интригу, заставляя Отрепьева влюбиться в гордую красавицу Мнишек, «чтобы лучше оттенить ее необычный характер» [7, с. 294], однако именно Марина умело направляет в нужное ей русло помыслы и энергию самозванца. Поэт сожалел, что «уделил ей только одну сцену», и обещал вернуться к работе над образом: «она волнует меня, как страсть. Она ужас до чего полька...» [7, с. 294].

В драме «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1866) А.Н. Островского, творчество которого Хлебников хорошо знал⁹, определяющими для образа Марины Мнишек становятся слова: «Мне нравится царицей быть московской, а царь Москвы и неуклюж и груб» [8].

В представлении Островского Марина не инициатор похода на Москву, не коварная искусительница, а прежде всего невеста, приехавшая к жениху, понимающая природу мужской страсти и желающая хотя бы отчасти упрочить свое будущее:

*Ты знаешь сам, какой тяжелой цепью
Взаимных клятв, обетов, вздохов нежных
Мы связаны с державным женихом.
Как верны мы, и я и он, друг другу!
И вот за то должна я в заключение
Сидеть и ждать, когда угодно будет
Великому царю с собою вместе
Меня на трон московский посадить.
Смешной народ, обычаев старинных
Он изменить не может <...>*

Сравнять меня с собой у вас есть средство –
Короновать меня. Перед царицей
Вы можете тогда склонять колена,
Не унижаясь, – я тогда без страха
Могу обнять, как равного, тебя [8].

Если А.С. Пушкин в драме «Борис Годунов» и А.Н. Островский в драме «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» отводят Марине Мнишек всего несколько эпизодов, то Хлебников создает произведение, где Марина Мнишек уже не эпизодический персонаж, как это было у авторов XIX в., а главная героиня.

Центральные сцены поэмы – объяснение Марины и Дмитрия (он назван в поэме «помолвленным женихом», «юношей», но не своим именем и не Самозванцем), бал у Сапег и финальная сцена – Марина в темнице. Сопутствующие сцены, описывающие в общих чертах происходящие на Руси события, служат только фоном повествования, придавая эпический колорит произведению. Из важных деталей выделяется желание безымянно-

⁹Так, претекстом рождественской сказки В. Хлебникова «Снежимочка» (1908) была, по признанию самого автора, пьеса А.Н. Островского «Снегурочка» (1873). См.: [9].

го Лжедмитрия добьется любви Марины: «Я оценю за плаху ложе» [4, с. 290], что отсылает нас к разработанной А. Пушкиным теме Клеопатры.

Если основные характеристики пушкинской красавицы-польки – честолюбие и умение использовать свою красоту в корыстных целях (лаской и угрозами Марина добивается от Отрепьева-Лжедмитрия ожидаемого решения: «Заутра двину рать» [10, с. 401]), то Хлебников, не отступая от традиционной пушкинско-карамзинской линии, смягчает негативные коннотации, добавляя к ним полушутливый контекст разговора с Димитрием, переносящий Марину в мир грез:

И думает Марина:

Сам польский король будет саном ее деверь.

К ее ногам красивым током,

Царицы белого плаща,

Упали юг, восток и север [4, с. 292].

Красоте и равнодушию пушкинской Марины Хлебников противопоставляет изящество, мудрость и рассудительность:

Я

Если и слыву всех польских дев резвей

В мазурке, пляске нежной,

В одежде панны белоснежной,

То знайте, нет меня трезвей,

Когда я имею дело с делом:

Я спорю с старцем поседелым [4, с. 285–286].

В отличие от Пушкина, наделившего свою героиню коварностью и лукавостью, Хлебников делает Мнишек прямолинейной в своих амбициях. Его Марине важно с самого начала открыто озвучить свои амбициозные желания, а поклонник должен сам принять решение, что делать:

Смотрит ласково, прищурясь, и добавляет:

«Я не обещаю и не обольщаю,

Но, юноша, заключите свои самые пылкие желанья

В самую ужасную темницу:

Пока я не московская царица,

Я говорю вам: до свиданья!» [4, с. 286].

Если у Островского Марина красива, свободолюбива и горда:

Литовские красавицы не то!

В очах огонь, в речах замысловатость!

То ласкою безмерно дарят.

То гордостью нежданною окинут.

Им приказать нельзя, нельзя принудить

Любить тебя; а долго и прилежно

Ухаживать тебя они заставят [8],

то хлебниковская Марина четко формулирует желание творить добро и приносить пользу¹⁰, решить вековой спор расколотого христианства (несмотря на то, что ксендз внушает ей отнюдь не миролюбивую необходимость вернуть Восток в лоно католичества):

Везде затихнут мятежи,

Могучим чувством трепеща

Исполнить волю госпожи.

Ее удел слепой успех.

Она примирит костел с Востоком [4, с. 292].

Марина в поэме В. Хлебникова – единственная в ряду предшественниц, выбранная женихом. А.Н. Островский и А.С. Пушкин выстраивают любовную линию таким образом,

¹⁰ Интересно, что в драме А.Н. Островского столь явно выраженным желанием делать добро и восстанавливать растерзанную Смутной Русью обладает не Марина, появление которой ограничено несколькими эпизодами, а сам Димитрий-самозванец.

что происходит неизбежная гендерная рокировка, завуалированный выбор жениха невестой: очарованный красотой прекрасной польки, Лжедмитрий готов добиваться возлюбленной ценой жизни. Хлебников же создает вокруг образа Марины модель брачного поведения с мужским доминированием, типичную для восточных славян, что подчеркивает идею славянского единства.

Споря с Островским, развивавшим женственную линию образа Марины-невесты с акцентом на ее рациональности, Хлебников наделяет героиню детской непосредственностью, умением искренне радоваться предстоящему событию – возможности стать царицей. Героиня Островского заранее продумывает пути отступления, обеспечение собственного тыла:

*...слабые и робкие созданья,
Мы, женщины, всю жизнь у вас под властью,
И только раз, когда страстей горячка
Безумная кипит в душе мужчины,
Холодностью и строгостью притворной –
Имеем мы и власть над ним и силу.
В земле чужой нам золото и жемчуг
Не лишние, алмазы – те же деньги.
Он нам с тобой полцарства обещает,
Короновать меня царицей хочет;
Но я боюсь, что сам-то он недолго
Процарствует [8] –*

у Хлебникова же чувственная и не по годам развитая полька «возвращена» в нежный возраст, где уместна детская непосредственность, искренняя радость от неожиданной возможности стать царицей. Рядом со степенным, седым отцом её юность и чистота особенно заметны. С помощью глагола «лепечет» в сцене, где дочь сообщает отцу важные вести о судьбоносных перспективах, поэт дает понять, что Марина – дитя, не осознающее политической подоплеки происходящего, и потому она непорочна:

*Марина села на колени
К отцу <...>
Рукой седины обнимает
И пиру радостно внимает.
Вся раскрасневшись, дочь прильнула
К усов отцовских седине
И, в шуме став с ним наедине,
Шепнула:
«Тату! Тату! Я буду русская царица!» <...>
С усмешкой полуважной, полузабавной
Девушка думает о доле самодержавной [4, с. 287–289].*

Согласно Хлебникову, Марина – не захватчица, ведь колокола Кремля сами призвали ее на трон:

*Давно ль Москва в свои кремли
Ее звала медноглаголым гулом.
<...> Давно ль царицей полумира
Она вошла в свою столицу... [4, с. 296–297].*

Роль хлебниковской героини измеряется не только жаждой занять трон, но и влиянием на культуру и быт Москвы. Марина принесла с собой польское изящество даже в военную сферу:

*И сестры месяца – секиры
Умели стройно наклониться [4, с. 292].*

Хлебников никак не поддерживает драматизированный сюжет Островского, вложившего в уста Марины мысли о ментальных различиях поляков и русских, основанные на осознании разницы культурно-сословных позиций самой Марины и ее жениха:

*...кто знает, после свадьбы
Каков он будет! Грубая природа*

*В нем скажется. Отец, ты знаешь, з чата
Nie budzie pana [8].*

К началу XX в. этот аспект уже не был столь актуален, как это было во второй половине XIX в., панславянские идеи поэта также предполагали использование «примиряющей» модели творчества.

Интересно, что никто из предшественников Хлебникова, создавая образ прекрасной Марины, не останавливался на такой яркой детали, как сон, несмотря на огромный потенциал этого концепта. В спокойном дыхании и спокойном сне, соратнике чистой совести, прочитывается духовная чистота Марины:

*Блошанку дева с плеч спускает
И тушит бледную свечу.
И слабо дышит, засыпает [4, с. 289].*

Еще одна важная параллель между пушкинской Мариной и хлебниковской – имплицитная «царственность», признание за своей героиней (у Пушкина опосредованно, у Хлебникова – прямо) права на царский венец.

Так, основой пушкинского образа Марины Мнишек становится характеристика Н. Карамзина, данная им в «Истории государства Российского»: «Между тѣмъ Марина, оставленная мужемъ и Дворомъ, не измѣняла высокоумію и твердости въ злосчастіи ... Она писала къ Королю: «Счастіе меня оставило, но не лишило права Властительскаго, утвержденнаго моимъ Царскимъ вѣнчаніемъ и двукратною присягою Россіанъ» [11, с. 189].

По версии Хлебникова, забытая всеми, не знающая ничего о сыне, Марина, страдающая от разлуки с ребенком и смены царственного венца на положение беглянки-узницы, медленно сходит с ума. В финале поэмы Марина гибнет в темнице, оставаясь при этом в авторском понимании русской царицей:

*Смерть, милостивая смерть! Имей же жалость!
Приди утоли ее усталость.
Осталась смерть — последнее подобие щита!
А сзади год стыда, скитанья, нищета
<...> Так погибала медленно в темнице
Марина, русская царица [4, с. 296].*

Поэт превращает Марину в обезумевшую с горя от разлуки с сыном и с возлюбленным женщиной, при этом сохраняя ей память о прекрасном прошлом, что лишь усугубляет безумие:

*Москвы струя лишь озарится
Небесных пламеней золой,
Марина, русская царица,
Острога свод пронзит хулой.
«Сыну, мой сыну! Где ты?»
Ее глаза мольбой воздеты,
И хохот, и безумный крик,
И кто-то на полу холодном
Лежит в отчаяньи бесплодном.
<...>Потом вдруг встанет и несется
В мазурке легкокрылой,
С кем-то засмеется, улыбнется,
Кому-то шепчет: «Милый».
Потом вдруг встанет, вся дрожа,
Бела, как утром пороша,
И шепчет, озираясь: «Разве я не хороша?»
Вдруг к стражу обращается, грозна:
«Где сын мой? Ты знаешь! — с крупными слезами,
С большими черными глазами.—
Ты знаешь, знаешь! Расскажи!»
И получает краткое в ответ: «Кат зна!»
«Послушай, послужи:
Ты знаешь, у меня казна.*

Освободи меня!» [4, с. 298–299].

В сумасшествии Марина сохраняет те же черты, которыми обладала и ранее в здравии: умение радоваться, инфантильное переживание за свою красоту, умение и желание танцевать, нежность и неимоверные страдания от разлуки с сыном – такова, согласно Хлебникову, настоящая Марина Мнишек.

Хлебников поддерживает одну из легенд о гибели польской красавицы – в подземелье Коломенского Кремля, в башне, позже названной «Маринкиной» (башня имела и другие названия: Коломенская, Круглая, Наугольная).

Это же предание использует в романе «Волга впадает в Каспийское море» (1929) Б. Пильняк. Чтобы подчеркнуть мистическое, колдовское начало героини, писатель вводит в текст фольклорное коломенское предание¹¹, согласно которому Марина, избежав смерти, превратилась в птицу (сорока-ворона) и теперь летает над Россией.

В изображении Б. Пильняка **тьнь Марины Мнишек скрывает любовную историю героини**: Римма встречалась с возлюбленным «в развалинах кремлевской Маринкиной башни, на пустующих барках <...> Маринкина башня хранила в себе не только смерть Марины Мнишек, но и любовь Риммы» [12, с. 265]. Настойчивое соединение Пильняком имени Марины Мнишек с мотивом смерти и разрушения усиливает деструктивный элемент в сложившемся стереотипе восприятия исторического образа великой польки.

Говоря о диалоге и полемике Хлебникова с Пушкиным и Островским, важно понимать, что в XIX в. тема русско-польских отношений в литературе обусловлена историко-политическим фоном, а в начале XX в. польская тема у русских авторов подсвечена эстетическими причинами. В частности именно польская литература служила одним из культурных каналов, по которым в Россию проникал модернизм и одно из ярчайших в истории русской культуры явлений – символизм.

Кроме того, именно пушкинский сюжет открывал перед Хлебниковым возможности для мифотворчества¹². Поэт изображает картину Смуты, в которой прочитывается призыв к объединению славян: чистая польская дева Марина, в сердце которой рождается идея примирить Восток и Запад, становится первой русской коронованной царицей.

К временам «Слова о полку Игореве», когда объединение славян было сверхнеобходимо, отсылает элемент традиционного для древнерусской литературы штампа – плача. Марина скорбит о разрушенных надеждах:

*Плачьте, плачьте, дочери Польши!
Надежд не стало больше* [4, с. 298].

Исторический документализм чужд Хлебникову, история как таковая интересует его в качестве фона повествования или в качестве источника фольклора и мифов, помогая актуализировать тот или иной замысел. Русско-польские события, таким образом, вписались в концепцию панславизма.

Следует отметить, что внимание к славянской идее не было довлеющим в творческом сознании Хлебникова. Азиатская тема и мотивы звучат в поэме «Хаджи-Тархан», в повести «Охотник Усагали»; индийской мифологией пронизан стих «Меня приносят на слоновых...»; славянской мифологией наполнены стихи «Перун», «Ночь в Галиции» и др.; подзаголовок рассказа «Закаленное сердце» («Из черногорской жизни») отсылает читателя к истории южных славян-черногорцев.

Общеславянская идея подкреплялась у Хлебникова автобиографическими перипетиями: по материнской линии (род Вербицких) поэт считал себя украинцем, а склонность к благородному бунту – неотъемлемым национальным правом [14]. При этом украинское не противопоставляется Хлебниковым другим языкам или культурам, а входит в понятие «общеславянского», ведь у поэта «язык с языком сходятся» [15]. Местом рождения (Вольнь) объясняется некоторыми исследователями и мемуаристами большое количество украинизмов в произведениях поэта: «украинский язык, оставшийся до сего време-

¹¹ Подробное исследование фольклорного мотива, связанного с пребыванием М. Мнишек в Коломне и отраженного в романе, см. [13].

¹² «Хлебников – мифотворец, мифологический художник, создатель самого, быть может, поразительного поэтического мифа новейшего времени» [14].

ни более непосредственным и свежим, сохранившим еще звуковую символику, был необходим Хлебникову, занятому в то время исканиями в области языка» [16]. Нельзя не отметить и мнение исследователей, согласно которому «Хлебников ввел украинизмы в русскую поэзию, не связывая их с украинской тематикой, исключительно под предлогом расширения словаря русского. У Хлебникова: ‘чоботы’, ‘чарторый’, ‘кигитки, киги’, ‘вырей’, ‘мавка’, ‘дереза’, ‘клуня’, ‘млын’, ‘крученный паньч’ – затем перешедший к Пастернаку, и т. д.» [14].

Этой же цели следовали и опыты с польским языком: знаменитое польское «Не поволям!» («Мои глаза бредут, как осень...» [4, с. 54]), как и полученный Мариной Мнишек ответ тюремного сторожа: «Кат зна!» [4, с. 289], – это не языковые цитаты, а широкие культурные образы [15].

Неразличение польских и украинских элементов в поэтике Хлебникова делает их синонимичными, подчеркивая их культурно-историческое равенство. Подобное взаимопроникновение польской и украинской культур происходило в ранних произведениях Н.В. Гоголя, под впечатлением которого Хлебников создает рассказ «Велик-день (подражание Гоголю)» (1911).

Таким образом, общеславянская идея объединила в «Марине Мнишек» польское, русское и украинское начала: в поэме немало украинизмов («гайдамаки», «мамо» и др.), и сама Марина использует модель украинской речи в общении с сыном: «Сыну, мой сыну!» [4, с. 298].

Образ прекрасной Марины Мнишек позволил В. Хлебникову выстроить полемичный по отношению к творчеству предшественников сюжет, в котором польская красавица предстает не честолюбивой и амбициозной, а детски невинной, чистой, волей судьбы ставшей русской царицей. Следует помнить и об имплицитном «объединяющем» потенциале образа, призывающем к примирению славян.

Возможно, Марина Мнишек представлялась В. Хлебникову воплощением гармонии мира, к которой поэт стремился как в жизни, так и в создаваемом им художественном мире.

Список использованных источников

1. Шишкин А. Велимир Хлебников на «Башне» Вяч. Иванова [Электронный ресурс] / А. Шишкин // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 17. – С. 141–167. – Режим доступа: http://az.lib.ru/h/hlebnikow_w/text_0070.shtml
2. Мережковский Д. Тайна Запада. Атлантида – Европа [Электронный ресурс] / Д. Мережковский. – Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=102539&p=64>
3. Козьменко М. Удоноши и фаллофоры Алексея Ремизова [Электронный ресурс] / М. Козьменко. – Режим доступа: <http://users.kaluga.ru/kosmorama/kozmenko.html>
4. Хлебников В.В. Лирика / В.В. Хлебников. – Минск: Харвест, 1999. – 480 с.
5. Парнис А.Е. Комментарии. Хлебников. Марина Мнишек [Электронный ресурс] / А.Е. Парнис. – Режим доступа: <http://rvb.ru/hlebnikov/tvorprim/203.htm>
6. Хлебников В.В. Воззвание учащихся славян, 1908 [Электронный ресурс] / В.В. Хлебников. – Режим доступа: http://sinsam.kirsoft.com.ru/KSNews_389.htm
7. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6 / А.С. Пушкин. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – 590 с.
8. Островский А.Н. Собрание сочинений: в 10 т. [Электронный ресурс] / А.Н. Островский; под общ. ред. Г.И. Владыкина, А.И. Ревякина, В.А. Филиппова. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960. – Т. 5. – Режим доступа: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0102.shtml
9. Леннквист Б. Мироздание в слове. Поэтика Велимира Хлебникова / Б. Леннквист. – СПб.: Академический Проект «Санкт-Петербург», 1999. – 236 с.
10. Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин: Роман в стихах; Драматические произведения / А.С. Пушкин. – Минск: Маст. літ., 1986. – 527 с.
11. Карамзин Н.М. История Государства Российского: в 12 т. – СПб.: Типография Н. Греча, 1816–1829. – Т. 2., 1829 [Электронный ресурс] / Н.М. Карамзин. – Режим доступа: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/4igr/01text/01text/vol_12.htm

12. Пильняк Б.А. Волга впадает в Каспийское море: Роман. Повести. Рассказы / Б.А. Пильняк // Собрание сочинений: в 6 т. [Сост. К. Андроникашвили-Пильняк]. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003 – Т. 4. – 476 с.

13. Прохоров С.М. Наблюдения над бытованием коломенских легенд о Марине Мнисhek [Электронный ресурс] / С.М. Прохоров. – Режим доступа: <http://www.kolomnaonline.narod.ru/articles-2004-01-26-prohorov-marina.htm>

14. Петровский М. Святошинские вакации Велимира Хлебникова [Электронный ресурс] / М. Петровский // Городу и миру: Киевские очерки. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Киев: Издательский дом А+С; Издательство ДУХ і ЛІТЕРА, 2008. – С. 79–102. – Режим доступа: http://www.ka2.ru/nauka/ petrovsky_miron_1.html#r3

15. Берковский Н.Я. Велимир Хлебников [Электронный ресурс] / Н.Я. Берковский. – Режим доступа: <http://www.ka2.ru/nauka /berkovsky.html>

16. Петровский Д. Воспоминания о Велемире Хлебникове [Электронный ресурс] / Д. Петровский. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/2772.html>

References

1. Shishkin, A. *Velimir Khlebnikov na "Dashne" Vjach.Ivanova* [Khlebnikov on the "Bashnja" of V. Ivanov]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1996, no 17, pp. 141-167. Available at: http://az.lib.ru/h/hlebnikow_w/text_0070.shtml.

2. Merezkovskij, D. *Tajna Zapada. Atlantida – Evropa* [Mystery of the West. Atlantis – Europe]. Available at: <http://www.litmir.net/br/?b=102539&p=64>

3. Kozmenko, M. *Udonoshi i fallofory Alekseja Remizova* ["Udonoshs" and "fallofors" of Alexei Remizov]. Available at: <http://users.kaluga.ru/kosmorama/kozmenko.html>

4. Khlebnikov, V. *Lirika* [Lyric]. Minsk, Harwest, 1999, 480 p.

5. Parnis, A. *Kommentarii. Khlebnikov. Marina Mnishek* [Comments. Khlebnikov. Marina Mnishek]. Available at: <http://rvb.ru/hlebnikov /tvorprim/203.htm>

6. Khlebnikov, V. *Vozzvanie uchaschihsa slavjan* [The appeal of Slavs learners]. Available at: http://sinsam.kirsoft.com.ru/KSNews_389.htm

7. Pushkin, A. *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 6* [Collected Works: in 10 vol., Vol. 6]. Moscow, Gosudarstvennoye izdaniye khudozhestvennoy literatury, 1962, 590 p.

8. Ostrovskij, A. *Sobranie sochinenij: v 10 t.* [Collected Works in 10 vol.]. Moscow, Gosudarstvennoye izdaniye khudozhestvennoy literatury, 1960, vol. 5. Available at: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0102.shtml

9. Lennkvist, B. *Mirozdanie v slove. Poetika Velimira Khlebnikova* [Universe in the word. Poetics of Velimir Khlebnikov]. Saint Petersburg, Akademicheskyy proekt "Sankt-Peterburg", 1999, 236 p.

10. Pushkin, A. *Sochinenija: V 3-x t. T. 2: Poemy: Evgenij Onegin: roman v stihah: Dramaticheskie proizvedenija* [Works in 3 books. The 2nd book: the poem. Eugene Onegin: novel in verse. Dramatic works]. Minsk, Mast. lit., 1986, 527 p.

11. Karamzin, N. *Istorija Gosudarstva Rossijskogo: v 12 t.* [The History of the Russian State: in 12 vol.]. Sankt-Peterburg, Tipografiya N. Grecha, 1816-1829. Available at: http://www.rvb.ru/18vek/karamzin/4igr/01text/01text/vol_12.htm

12. Pilnjak, B. *Volga vpadaet v kaspijskoe more* [Volga flows into the Caspian Sea: Roman. Story. Novels]. *Sobranije sochinenij: v 6 t., T. 4* [Collected Works: in 6 vol., Vol. 4]. Moscow, TERRA Knizhny klub, 2003, 476 p.

13. Prokhorov, S. *Nabludenija nad bytovaniem kolomenskih legend o Marine Mnishek* [Observations on the existence of Kolomna legends about Marina Mnishek]. Available at: <http://www.kolomnaonline.narod.ru/articles-2004-01-26-prohorov-marina.htm>

14. Petrovskij, M. *Svjztoshinskie vakacii Velimira Khlebnikova* [Svyatoshynskie vacation of Velimir Khlebnikov]. *Gorodu i miru: Kiyevskiye ocherki* [To city and the world: the Kiev sketches]. Kiyev, Izdatelskiy dom A+C; Izdatelstvo DUKH I LITERA, 2008, pp. 79-102. Available at: http://www.ka2.ru/nauka/petrovsky_miron_1.html#r3.

15. Berkovskij, N. *Velimir Khlebnikov* [Velimir Khlebnikov]. Available at: <http://www.ka2.ru/nauka/berkovsky.html>

16. Petrovskij, D. *Vospominanija o Velimire Khlebnikove* [Memories about Velimir Khlebnikov]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/j/2772.html>

У статті досліджується історичний образ Марини Мнішек в однойменній поемі В. Хлебнікова. Поема, створена в 1912–13 рр., відобразила інтерес творчої еліти Срібного століття до образу фатальних красунь, при цьому поема є діалогом-дискусією Хлебнікова з попередниками – О.С. Пушкіним і О.Н. Островським.

Ключові слова: панслов'янiзм, польська тема, слов'янська естетика, спільнослов'янська ідея, діалог, полемічний сюжет.

The article examines the historical image of Marina Mnishek in the eponymous poem by Velimir Khlebnikov. Poem reflect the interests of the creative elite of the Silver Age to the image of a fatal beauty. The poem is a dialogue-discussion Khlebnikov to its predecessors – Alexander Pushkin and Alexander Ostrovsky.

Key words: panslavyanizm, Polish topic, Slavic aesthetics, The common Slavic idea, dialogue, polemical story.

Одержано 3.03.2015.